Магазинчик на улице Снежных фонарей

Елизавета Фролова

Елизавета Фролова

Магазинчик на улице Снежных фонарей

«Автор»
2026

Фролова Е. Д.

Магазинчик на улице Снежных фонарей / Е. Д. Фролова — «Автор», 2026

А что, если самое настоящее рождественское чудо прячется за дверью маленького магазинчика?Эмма Нортон переехала в Прагу, чтобы начать жизнь с чистого листа. Но вместо обещанного счастья получила одиночество, нелепые приключения и декабрь, который совсем не спешит становиться волшебным.Всё меняется, когда на улице Снежных фонарей она обнаруживает необычный магазин рождественских украшений. Его загадочная хозяйка Агата Винтер словно знает о посетителях больше, чем они сами. А некоторые украшения подозрительно точно предсказывают будущее.Вместе с обаятельным и невыносимо любопытным Леоном Эмма решает раскрыть тайну магазинчика. Но чем ближе они к разгадке, тем яснее: за рождественским волшебством скрывается история, способная разбить сердце.Уютная, смешная и трогательная история о любви, потерях, надежде и чудесах, которые находят нас именно тогда, когда мы перестаём в них верить.

© Фролова Е. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елизавета Фролова
Магазинчик на улице Снежных фонарей

Глава 1

Эмма Нортон проснулась за семь минут до того, как должна была выйти из дома, и некоторое время лежала неподвижно, разглядывая трещинку на потолке, которая с осени подозрительно напоминала карту Италии. За окном кто-то с чрезвычайным усердием отряхивал от снега автомобиль, в соседней квартире гремела посуда, а будильник на телефоне, ещё недавно считавшийся надёжным союзником, безмолвно сообщал, что его вчера поставили на субботу. Сегодня был вторник.

— Замечательно, — произнесла Эмма, садясь на кровати. — Значит, сегодня мы проверяем, можно ли одеться быстрее, чем вскипает чайник.

Чайник, как выяснилось, обладал завидным преимуществом. Пока он мирно шумел на кухне, Эмма успела обнаружить, что один из её полосатых носков исчез, зелёный свитер лежит в корзине с бельём, а расчёска каким-то непостижимым образом оказалась между страницами справочника по старым городским адресам. Впрочем, последняя находка не слишком её удивила: за полгода работы в архиве она привыкла к тому, что предметы способны обнаруживаться в местах, где им решительно нечего делать.

Свои рыжие кудри Эмма попыталась укротить заколкой в форме жёлтой звезды, но та продержалась всего несколько секунд, после чего соскользнула на пол, словно тоже отказывалась участвовать в утренней спешке. Пришлось собрать волосы в небрежный пучок, натянуть поверх платья короткое клетчатое пальто и, уже стоя в прихожей, вернуться за перчатками. Одну она нашла на полке, вторую — в кармане сумки рядом с засохшим каштаном, который зачем-то носила с октября.

Когда Эмма наконец выбежала на лестницу, на площадке её поджидала миссис Ружичкова — соседка с первого этажа, обладавшая редким талантом появляться именно в тот момент, когда человек меньше всего расположен к обстоятельной беседе.

— Опять бегом? — осведомилась она, придерживая дверь в подъезд так, словно собиралась лично решить, заслуживает ли Эмма выхода на улицу.

— Сегодня особенно, — отозвалась Эмма, пытаясь протиснуться мимо.

— А вчера кто оставил на подоконнике мокрый зонт?

— Не знаю, но, если он до сих пор там, можете передать ему, что я искренне сочувствую.

Миссис Ружичкова поджала губы, не оценив соболезнования зонту, и Эмма, воспользовавшись короткой паузой, выскользнула из подъезда. Уже на тротуаре она услышала, как соседка что-то говорит ей вслед о приличных людях, которые не хлопают дверями; однако дверь, к счастью, закрылась достаточно мягко, чтобы Эмма могла считать утро хотя бы в этом отношении удачным.

Прага встретила её сыроватым морозом и низким светлым небом, под которым крыши старых домов выглядели припорошёнными сахарной пудрой. На трамвайной остановке теснились люди в тёмных пальто, школьник старательно ловил языком снежинки, а продавец газет поправлял на своём киоске красную гирлянду, упорно сползавшую с вывески. В другое утро Эмма непременно остановилась бы, чтобы рассмотреть витрину булочной, где кто-то выставил целую пряничную деревню, но сейчас она думала лишь о часах и о том, что начальник наверняка уже занял своё обычное место у окна.

Трамвай подошёл, когда до начала рабочего дня оставалось одиннадцать минут. Эмма вскочила в вагон вслед за мужчиной с огромным свёртком, едва не потеряла равновесие на

повороте и ухватилась за поручень с такой решимостью, будто от этого зависело будущее городской транспортной системы. Напротив сидела маленькая девочка в красной шапке и внимательно изучала её разноцветные серьги — в одном ухе у Эммы покачивалась луна, в другом звезда.

— Они у вас разные, — сообщила девочка.

— Я тоже заметила, — доверительно ответила Эмма. — Но они давно дружат и менять ничего не хотят.

Девочка задумалась, а потом удовлетворённо кивнула, словно получила разумное объяснение давно беспокоившего её вопроса. Её мать улыбнулась; Эмма улыбнулась в ответ и, взглянув на телефон, снова перестала улыбаться.

Городской архив располагался в старом административном здании с тяжёлой входной дверью, которую зимой приходилось толкать плечом. В холле пахло мокрой шерстью пальто, бумагой и кофе из автомата, выдававшего напиток такого сомнительного достоинства, что сотрудники предпочитали называть его просто «горячим». Эмма пересекла холл, стараясь не шуметь каблуками, и уже почти достигла лестницы, когда услышала за спиной негромкое покашливание.

— Мисс Нортон.

Она обернулась. Мистер Кратохвил, заведующий отделом оцифровки, стоял возле доски объявлений с папкой под мышкой. Его седые брови были сдвинуты так сурово, будто он лично обнаружил ошибку во всех документах начиная с семнадцатого века.

— Доброе утро, мистер Кратохвил, — сказала Эмма, ещё надеясь, что доброта утра подлежит обсуждению.

— Оно началось восемь минут назад.

— Значит, я почти успела к самому интересному.

Он посмотрел на неё поверх очков. Эмма опустила взгляд на собственные ботинки и с некоторым сожалением заметила, что шнурок на левом развязался.

— На вашем столе документы из фонда муниципальных разрешений, — продолжил начальник. — К вечеру мне нужен проверенный список. И прошу вас на этот раз не добавлять в служебные примечания личных наблюдений.

— Я написала только, что почерк мистера Вондрачека невозможно разобрать без помощи высших сил.

— Именно это я и имею в виду.

Эмма благоразумно промолчала. Спорить с человеком, способным посвятить двадцать минут обсуждению правильного наклона скрепки, было занятием не только бесперспективным, но и опасным для рабочего расписания.

В их комнате стояли четыре стола, два сканера и шкаф, который никто не открывал без предварительной договорённости с его дверцей. За соседним столом работала Маркета — женщина лет сорока с неизменным карандашом за ухом и удивительной способностью находить нужную папку в любом беспорядке. Увидев Эмму, она молча подвинула к ней чашку кофе, приготовленного из собственного термоса.

— Ты меня спасаешь, — прошептала Эмма, снимая пальто.

— Нет, я спасаю окружающих. Без кофе ты начинаешь разговаривать с документами.

— Они хотя бы слушают.

— Вчера ты спорила с описью.

— Потому что она была неправа.

Маркета покачала головой, но уголки её губ дрогнули. Эмма устроилась за столом, включила сканер и раскрыла первую папку. На пожелтевшем листе, испещрённом печатями и размашистыми подписями, значилось разрешение на переоборудование лавки в мастерскую. Под-

пись внизу действительно выглядела так, будто чиновник пытался нарисовать испуганную сороконожку, не отрывая пера от бумаги.

К полудню Эмма успела проверить три десятка карточек, дважды выслушать замечания мистера Кратохвила и один раз вытащить из сканера лист, который тот упрямо отказывался отпускать. Работа нравилась ей гораздо больше, чем можно было предположить по её жалобам. В старых бумагах скрывались чужие жизни: споры из-за пристроек, просьбы открыть пекарню, разрешения на вывески, заявления людей, давно исчезнувших вместе со своими домами. Иногда между сухими строками проступала целая история, и тогда Эмма забывала о времени, стараясь понять, кто и зачем оставил после себя именно этот след.

Впрочем, сегодня архив не собирался дарить ей ничего особенно увлекательного. После обеда обнаружилось, что половина уже внесённых записей сохранилась с неверными датами, потому что программа решила самостоятельно исправить формат. Маркета назвала это «творческим подходом техники», а мистер Кратохвил потребовал переделать всё вручную. К четырём часам у Эммы затекла шея, пальцы пахли старой бумагой, а в голове крутились номера дел, которые не имели ни малейшего отношения к её собственной жизни.

Когда наконец позволили выключить компьютеры, она задержалась у окна, наблюдая, как во дворе зажигается одинокий фонарь. На стекле расплывалось её отражение — веснушчатое лицо, выбившиеся кудри, усталые зелёные глаза. Эмма поправила воротник и вдруг подумала, что декабрь наступил как-то подозрительно быстро. Ещё недавно она покупала на рынке яблоки и удивлялась последним тёплым дням, а теперь коллеги обсуждали рождественские выходные, Маркета составляла список праздничной выпечки, и даже мистер Кратохвил, по слухам, заказал домой ёлку.

Сама Эмма до сих пор не купила ни одного подарка.

На улице уже сгущались сумерки. Вместо привычной дороги к трамвайной остановке она свернула за угол, решив немного пройтись пешком: после целого дня среди папок и экранов ей хотелось воздуха, даже такого холодного, от которого нос немедленно становился красным. Она не слишком хорошо знала эту часть города, хотя прожила в Праге с весны. Переехав сюда, Эмма поначалу старательно изучала новые маршруты, но потом работа, покупки и домашние хлопоты незаметно свели её передвижения к нескольким знакомым улицам.

Первый поворот вывел её к узкому переулку с маленькой антикварной лавкой; второй — на мощёную площадь, где мальчишки лепили снежки возле каменного колодца. Эмма остановилась, пропуская велосипедиста, и заметила впереди мягкое золотистое сияние. Оно тянулось над улицей несколькими рядами фонариков, подвешенных между старинными фасадами, и отражалось в мокрых камнях мостовой так, словно кто-то рассыпал по ней пригоршню крошечных монет.

Улица оказалась совсем небольшой, с тесно прижавшимися друг к другу домами, резными дверями и витринами, в которых Рождество уже чувствовало себя полноправным хозяином. В окне кондитерской возвышался пряничный домик с сахарной крышей; рядом шоколадный олень смотрел на прохожих с выражением существа, которого назначили отвечать за праздничное настроение против его воли. Из открывшейся двери кофейни донёсся запах поджаренного миндаля и свежего теста, а где-то дальше звякнул колокольчик, смешавшись с негромкой музыкой.

Эмма замедлила шаг. На углу висела табличка с официальным названием улицы, но над ней, на деревянной вывеске, выведенной затейливыми буквами, красовалось другое: «Улица Снежных фонарей». Кто придумал это название, она не знала, однако оно подходило месту куда лучше любого строгого адреса.

Возле одной из кофеен дежурил Санта-Клаус с таким огромным накладным носом, что борода под ним выглядела скорее дополнительным украшением. Он раздавал прохожим

рекламные листовки, энергично притопывая сапогами, и время от времени пытался поправить нос рукавицей, от чего тот съезжал ещё ниже.

— Счастливого Рождества! — объявил он, протягивая Эмме бумажку. — Лучшие булочки в городе!

— У вас, кажется, нос замёрз сильнее всех остальных частей тела, — заметила Эмма, принимая листовку.

Санта на секунду замер, затем торжественно выпрямился.

— Это семейная особенность.

— Передаётся по наследству?

— Только в декабре.

Эмма рассмеялась, а Санта, довольный произведённым впечатлением, отправился убеждать следующего прохожего, что именно сегодня ему совершенно необходима булочка с маком. На листовке была изображена чашка кофе, рядом с которой красовалось пирожное размером едва ли не с саму чашку. Название заведения — «Медная турка» — Эмма запомнила, решив, что когда-нибудь непременно сюда заглянет.

Она медленно пошла дальше, разглядывая витрины. В одной продавали шерстяные варежки с вышитыми снегирями, в другой стояли расписные деревянные шкатулки, а за стеклом книжной лавки кто-то устроил целую сцену из старых томов, свечей и бумажных снежинок. Эмма подумала о матери, которая каждый год утверждала, будто ей ничего не нужно, а затем с неподдельной радостью разворачивала подарки; об отце, любившем практичные вещи и неизменно терявшем их в течение первой недели; о семейных рождественских посылках, которые следовало отправлять заранее, чтобы они не застряли где-нибудь на сортировке до середины января.

В детстве подготовка к празднику начиналась у них задолго до декабря. Мать прятала подарки в самых невероятных местах, отец делал вид, что не знает, где они лежат, а Эмма ежегодно обещала не подглядывать и ежегодно нарушала обещание, обычно без особого успеха. Теперь семья жила в другом городе, и праздничные приготовления приходилось организовывать самой. Эта мысль неожиданно оказалась приятной: впервые за несколько недель перед ней возникло дело, не связанное ни с работой, ни с бесконечными бытовыми обязанностями.

Эмма достала телефон и открыла календарь. До выходных оставалось всего несколько дней, и суббота, к счастью, была свободна. Она поставила напоминание «КУПИТЬ ПОДАРКИ», подумала и дописала: «НЕ ЗАБЫТЬ ОТПРАВИТЬ», потому что хорошо знала собственную способность радоваться выполненной половине дела, забывая о второй.

На противоположной стороне улицы зажглись окна ещё одной лавки. Сквозь лёгкую снежную завесу Эмма различила гирлянду над дверью и что-то блестящее за стеклом, но рассмотреть витрину толком не успела: мимо протиснулась группа туристов, оживлённо обсуждавших дорогу к мосту, и ей пришлось отойти к стене. Когда проход освободился, внимание Эммы уже привлекла корзина с маленькими расписными колокольчиками у соседнего прилавка.

Она не стала заходить никуда в тот вечер. Денег с собой было немного, ноги устали, да и выбирать подарки наспех казалось несправедливым по отношению к тем, кому они предназначались. Зато теперь Эмма точно знала, куда вернётся в субботу, и это простое решение почему-то заметно улучшило ей настроение.

У выхода из переулка она ещё раз оглянулась. Золотые огоньки дрожали над мостовой, Санта с выдающимся носом спорил с ветром за право удержать стопку листовок, а из кофейни выскочил мальчик с бумажным пакетом, прижимая его к груди так бережно, словно нёс домой настоящее сокровище. Эмма натянула перчатки и направилась к остановке, уже мысленно составляя список подарков.

Впервые за весь день ей совершенно не хотелось смотреть на часы.

Глава 2

Субботнее утро началось с того, что Эмма обнаружила в холодильнике половину лимона, банку горчицы и пакет молока, срок годности которого закончился в среду. Она некоторое время разглядывала это печальное собрание, словно надеялась, что продукты, смущённые её пристальным вниманием, сами предложат какой-нибудь завтрак, затем закрыла дверцу и решила, что сегодняшний день вполне заслуживает булочки из пекарни.

За окном, на узком карнизе соседнего дома, сидел голубь, нахохлившийся до размеров небольшого чайника. Снег, выпавший ночью, успел покрыть крыши, припорошить подоконники и придать мусорным контейнерам во дворе неожиданно торжественный вид. Эмма, с трудом распутав рукав свитера, застрявший в дверце шкафа, объявила голубю, что у неё большие планы, и получила в ответ взгляд, не выражавший ни малейшего доверия.

Планы действительно были большие, по крайней мере по меркам человека, который за всю неделю не успел купить даже почтовые конверты. Нужно было выбрать подарок матери, найти что-нибудь подходящее для отца, не забыть о маленьком сюрпризе для Маркеты и, самое главное, не увлечься настолько, чтобы вернуться домой с пятью ненужными свечами и пустым кошельком. Последний пункт Эмма записала отдельно, подчеркнув дважды. Она знала за собой слабость к вещам, которые в магазине выглядели совершенно необходимыми, а дома превращались в предмет мучительных размышлений: зачем человеку, например, керамическая утка в шляпе?

Пока закипал чайник, Эмма позвонила матери. Та ответила не сразу, и сквозь шум на заднем плане доносился голос отца, который, судя по интонации, снова пытался найти какую-то вещь в собственном доме.

— Мам, только не говори, что вам ничего не нужно на Рождество, — предупредила Эмма вместо приветствия. — Я уже вышла на тропу подарочной охоты.

— Доброе утро и тебе, дорогая. Нам действительно ничего не нужно. А вот твой отец уже полчаса ищет очки.

— Они у него на голове?

— На этот раз нет. Он уверяет, что оставил их в гараже, хотя в гараже с четверга не был.

На другом конце провода что-то стукнуло, после чего отец торжествующе объявил, что нашёл очки в кармане зимнего пальто и совершенно не понимает, кто мог их туда положить. Эмма улыбнулась, слушая знакомую домашнюю суету, и почувствовала лёгкую, почти незаметную тоску по кухне, где каждое утро происходили подобные расследования. Впрочем, мать уже спрашивала, достаточно ли тепло в её пражской квартире, и Эмма поспешила заверить её, что батареи исправны, окна закрываются, а питаться она умеет не только бутербродами. Последнее утверждение было смелым, учитывая содержимое холодильника.

Разговор закончился обещанием отправить посылку вовремя и настойчивой просьбой матери купить себе тёплые носки. Эмма, положив телефон, некоторое время стояла возле стола, держа в руках чашку. С весны, когда она переехала в Прагу, ей удалось привыкнуть к самостоятельной жизни, новому маршруту на работу и даже к вечерам, когда в квартире не раздавалось ни одного звука, кроме гудения холодильника. Но семейные разговоры всё ещё оставляли после себя ощущение, будто она ненадолго заглянула в ярко освещённую комнату, а затем снова прикрыла дверь.

Она решительно допила чай, выбрала из шкафа зелёное пальто, красные варежки и шапку с помпоном, который упорно заваливался набок, и вышла из дома. По дороге к остановке пришлось вернуться: список подарков остался на кухонном столе. Потом выяснилось, что список она положила в карман другого пальто. Когда Эмма наконец оказалась на улице, её собственная пунктуальность уже казалась ей довольно отвлечённым понятием.

К полудню город наполнился людьми, несущими пакеты, бумажные стаканчики и свёрнутые в рулоны подарочные ленты. Трамвай подошёл с привычным металлическим звоном, и Эмма, устроившись возле окна, наблюдала, как за стеклом сменяются фасады: светлая штукатурка, потемневшие от времени каменные наличники, балконы с коваными оградами. В одном окне стояла наряженная ёлка, в другом сушились носки, и это соседство показалось ей убедительным доказательством того, что Рождество вовсе не освобождает людей от обычной жизни.

Улица Снежных фонарей встретила её совсем иначе, чем в будний вечер. Теперь под гирляндами толпились покупатели, возле прилавков спорили о цене расписных игрушек, а у кофейни «Медная турка» выстроилась небольшая очередь. Санта с огромным носом сегодня раздавал листовки особенно старательно, хотя ветер то и дело пытался вырвать их из его рукавиц. Узнав Эмму, он приподнял руку в приветствии, но тут же был отвлечён мальчиком, потребовавшим объяснить, почему у Санты нос больше, чем у его папы.

Эмма решила не вмешиваться в столь деликатный разговор и направилась к лавке с деревянными изделиями. Там она долго выбирала шкатулку для матери, отвергла слишком пёструю, затем слишком маленькую и в конце концов остановилась на тёмной, с тонким узором из ветвей и птиц. Продавец завернул покупку в бумагу, а Эмма, вспомнив отцовскую привычку терять всё, что помещалось в карман, приобрела ему настольную подставку для очков — деревянную сову с таким строгим выражением, будто она намеревалась лично следить за порядком в доме.

Для Маркеты нашёлся небольшой блокнот в тканевом переплёте, куда та могла бы записывать свои архивные открытия, а не делать пометки на случайных клочках бумаги. Купив подарки, Эмма обнаружила, что до вечера ещё далеко, пальцы успели замёрзнуть, а на дне сумки лежит листок с пунктом «не покупать лишнего», который теперь выглядел скорее как дружеский совет, чем как приказ.

Она остановилась возле витрины с крошечными фарфоровыми домиками. Отражённые в стекле фонарики дрожали над её шапкой, а рядом, в соседнем помещении, горел особенно тёплый свет. Эмма повернула голову и увидела магазин, которого в прошлый раз почти не заметила. Над дверью покачивалась небольшая деревянная вывеска, украшенная еловыми ветками; золотистые буквы сообщали: «Рождественские украшения». За стеклом стояла целая маленькая вселенная: стеклянные птицы с серебряными хвостами, оловянные фигурки, расписные шары, звёзды, домики и крошечные санки, на которых, казалось, можно было увезти не больше двух конфет.

В отличие от соседних витрин, здесь ничто не стремилось привлечь покупателя яркой рекламой. Игрушки располагались на разных уровнях, словно собрались для тихого разговора, а между ними лежали веточки ели и старинные открытки. У самой двери стояла корзина с бумажными пакетами, перевязанными бечёвкой. Эмма заметила маленького деревянного зайца, выглядывавшего из-за подсвечника, и, решив, что посмотреть ещё не значит купить, толкнула дверь.

Над головой негромко звякнул колокольчик. Внутри пахло хвоей, воском и свежей выпечкой, хотя ни печи, ни кухни Эмма сначала не увидела. Магазин оказался глубже, чем можно было предположить с улицы: вдоль стен тянулись деревянные полки, в углу стоял высокий шкаф с узкими стеклянными дверцами, а возле окна располагался круглый столик, покрытый кружевной салфеткой. На нём дымилась чашка чая и лежала раскрытая книга, в которую кто-то вложил сухой лист вместо закладки.

— Проходите, милая, только осторожнее у порога, — раздался из глубины приятный женский голос. — Он уже сорок лет обещает перестать цепляться за каблуки и всё никак не соберётся.

Из-за высокого стеллажа вышла пожилая женщина с серебристыми волосами, собранными на затылке, и ясными, удивительно живыми глазами. На тёмно-синем платье у неё

поблёскивала брошь в форме снежинки; поверх платья был повязан светлый передник, на котором виднелось едва заметное пятнышко муки. Она двигалась без поспешности, но с такой уверенностью, будто отлично знала расположение каждой игрушки и могла найти нужную даже с закрытыми глазами.

— Добрый день, — ответила Эмма, оглядываясь. — Я только посмотреть. Вообще-то я уже купила почти всё, что собиралась.

— Какое благоразумное начало, — заметила хозяйка. — Обычно после этих слов люди уходят с самым большим пакетом.

— Вы меня совсем не обнадёживаете.

— Я предпочитаю не обманывать покупателей. Меня зовут Агата Винтер.

Эмма представилась, стянула варежку и пожала протянутую руку. Ладонь старушки оказалась тёплой, а рукопожатие — неожиданно крепким. Агата одобрительно оглядела её шапку с набок съехавшим помпоном, но ничего не сказала, лишь чуть заметно приподняла брови, словно отметила про себя любопытную подробность.

— У вас замечательный магазин, — произнесла Эмма, приблизившись к полке со стеклянными шарами. — Я даже не знала, что здесь можно найти столько разных украшений.

— Их бывает гораздо больше, чем люди думают. Просто некоторые любят прятаться за другими. Вот этот, например, — Агата осторожно отодвинула большую золотую звезду, открывая крошечного снегиря, — уже третий день делает вид, что его никто не замечает.

— По-моему, он просто не любит шумные компании.

— Вполне возможно. Я сама с возрастом стала его понимать.

Сказано это было с таким лукавством, что Эмма рассмеялась. Она медленно переходила от полки к полке, разглядывая украшения, среди которых попадались совершенно необычные: крошечный почтовый ящик с прорезью для письма, стеклянный зонтик, серебристый велосипед с вращающимися колёсами и фарфоровая чашка, в которой была нарисована капелька чая. Возле кассы стояли оловянные солдатики в аккуратных мундирах, каждый с чуть иным выражением лица, и Эмма подумала, что изготовитель, должно быть, обладал немалым терпением.

— Вы сами всё это делаете? — спросила она, взяв в руки деревянную лошадку.

— Что-то делала сама, что-то собирала годами, а кое-что попадало ко мне весьма странными путями. Однажды мне принесли ангела без одного крыла и уверяли, будто это редкая разновидность рождественской птицы. Представляете?

— Может быть, он просто плохо летал.

— Я тоже так подумала. Но человек был совершенно серьёзен, и я не стала его огорчать.

Агата вернула лошадку на место и вдруг посмотрела на Эмму внимательнее. От этого взгляда девушке стало немного неловко, хотя в нём не было ни назойливости, ни обычного любопытства продавца, пытающегося угадать толщину кошелька покупателя.

— А для себя вы что-нибудь выбрали?

— Для себя? — переспросила Эмма. — Нет, я вообще пришла за подарками. Маме шкатулку, папе сову, которая будет присматривать за его очками. Ему давно требуется надзор.

— А вам самой разве не хочется поставить дома ёлку?

Эмма помедлила. Небольшую ёлку она собиралась купить ещё в начале месяца, но всякий раз находились дела поважнее: счета, работа, стирка, поход в магазин. Праздничные коробки, привезённые из родительского дома, так и стояли на верхней полке шкафа, куда она забросила их весной вместе с несколькими вещами, которые не хотелось разбирать.

— Хочется, конечно. Только я пока не успела. Знаете, как бывает: сначала думаешь, что времени полно, а потом уже все вокруг пекут печенье и наряжают деревья, а у тебя даже гирлянды нет.

— Времени всегда меньше, чем нам обещает календарь, — согласилась Агата, снимая с крючка маленькую звезду. — Но на одну хорошую вещь его обычно можно найти. Чаю хотите?

Предложение застало Эмму врасплох. Она оглянулась на столик у окна, где действительно стоял чайник под вязаным чехлом, и собиралась вежливо отказаться, когда живот предательски напомнил о завтраке, состоявшем из чая и обещания купить булочку.

— Если это не слишком вас затруднит…

— Совершенно не затруднит. Я как раз испекла печенье и теперь нуждаюсь в человеке, который подтвердит, что оно съедобно.

Агата достала вторую чашку и придвинула к Эмме небольшую тарелку с рассыпчатым печеньем, посыпанным сахарной пудрой. Устроившись у окна, девушка положила рядом сумку с покупками и вдруг почувствовала себя так, словно зашла не в магазин, а к давней знакомой, которую почему-то до сих пор не встречала. За стеклом проходили люди в шарфах и шапках, фонарики покачивались на ветру, а внутри было тихо, тепло и пахло ванилью.

— Ну как? — поинтересовалась Агата, наблюдая, как Эмма осторожно откусывает кусочек.

— Если вы ищете подтверждение, что печенье съедобно, то я готова подписать официальный документ. С печатью.

— Какая серьёзная покупательница. Вы, должно быть, работаете с бумагами?

— В городском архиве, — ответила Эмма, с удивлением подняв глаза. — А как вы догадались?

— Только человек, который целый день имеет дело с документами, предложит удостоверить качество печенья печатью.

Эмма признала справедливость замечания и рассказала о мистере Кратохвиле, который однажды потребовал перепроверить целую папку из-за неправильно поставленной запятой. Агата слушала с искренним интересом, изредка задавая вопросы, и вскоре выяснилось, что она сама чрезвычайно уважает аккуратность, но не видит причин делать из неё семейную трагедию.

— У меня был знакомый, — вспомнила старушка, — который записывал в тетрадь каждую потраченную монету. Однажды он потерял тетрадь и три дня не мог купить хлеба: боялся нарушить учёт.

— И что он сделал?

— Купил новую тетрадь. В кредит.

Эмма едва не поперхнулась чаем, а Агата, довольная произведённым впечатлением, поднялась, чтобы убрать пустую тарелку. Девушка поспешила помочь, но старушка мягко отмахнулась, заявив, что если позволит гостям мыть посуду, то скоро совсем разленится.

Пока Агата возилась у небольшого буфета, Эмма снова подошла к полкам. Среди множества украшений её взгляд остановился на оловянном солдатике, стоявшем чуть поодаль от остальных. На нём был тёмно-красный мундир, крошечные сапоги и высокая шапка; лицо мастеру удалось сделать одновременно серьёзным и немного растерянным, словно солдатик получил важное поручение, но забыл, где оставил приказ.

— Вот этот мне нравится, — призналась Эмма, осторожно поднимая фигурку. — У него такой вид, будто он совершенно не уверен, что происходит, но всё равно намерен держаться достойно.

— Хорошее качество, — заметила подошедшая Агата. — Особенно когда вокруг все уверяют, что прекрасно знают, что делают.

Она взяла солдатика, повертела в пальцах и поставила на ладонь Эммы. Тяжесть фигурки оказалась неожиданно приятной. Эмма уже собиралась спросить цену, когда старушка отошла к шкафу у дальней стены и открыла одну из узких дверец.

— А вот это, думаю, тоже должно быть у вас.

На бархатной подушечке лежала стеклянная собачка, совсем небольшая, с чуть поднятой мордочкой и красной ленточкой на шее. Стекло было прозрачным, с мягким медовым оттенком, а в изгибе ушей и напряжённой стойке угадывалось что-то удивительно живое. Эмма не

сразу протянула руку. Она смотрела на игрушку, и шум улицы, доносившийся сквозь окно, вдруг стал каким-то далёким.

Эмма вспомнила своего питомца. У Кары тоже был красный бантик — не настоящий праздничный, а старый тканевый, который Эмма однажды привязала к ошейнику перед семейной фотографией. Собака терпела его ровно столько, сколько требовалось для снимка, а затем с достоинством удалилась под стол и принялась избавляться от украшения. Бантик нашли только через неделю, под диваном, рядом с потерянной отцовской ручкой.

После смерти Кары Эмма долго не могла заставить себя убрать её миску. Сначала говорила, что сделает это завтра, потом — когда появится время, хотя времени хватало на множество куда менее важных дел. В день переезда миску всё-таки пришлось положить в коробку, и именно тогда, среди суматохи и чужих голосов, она неожиданно расплакалась так сильно, что грузчик, державший стопку книг, растерянно предложил ей стакан воды. С тех пор Эмма старалась не вспоминать об этом слишком часто. Потеря не исчезла, просто научилась помещаться внутри обычных дней, не требуя постоянного внимания.

— Она очень красивая, — произнесла Эмма наконец, осторожно касаясь стеклянной спинки. — У меня была собака. Кара. Мы выросли вместе, если можно так сказать. Она появилась у нас, когда я ещё училась в школе.

Агата не стала спрашивать, где собака теперь. Она лишь положила рядом с игрушкой мягкую салфетку, чтобы Эмма могла взять её, не боясь уронить, и немного помолчала.

— Знаете, — продолжила Эмма, сама удивляясь тому, что рассказывает об этом почти незнакомой женщине, — Кара терпеть не могла дождь, зато снег обожала. Особенно свежий, когда на нём ещё ничьих следов. Выбегала во двор и носилась кругами, пока не становилась похожа на мокрую метёлку. А дома требовала, чтобы ей вытерли лапы, и смотрела при этом так, словно мы лично виноваты в существовании зимы.

— У неё, должно быть, был характер.

— Ужасный, — с нежностью сказала Эмма. — и одновременно самый замечательный характер на свете.

Она улыбнулась, но глаза неожиданно защипало. Агата не произнесла ни одной из тех утешительных фраз, от которых человеку порой становится ещё печальнее, а только подождала, пока Эмма аккуратно поставит собачку рядом с солдатиком.

— Простите, — смутилась девушка. — Я ведь пришла покупать ёлочные украшения, а устроила вам целую историю.

— Для чего ещё нужны украшения, если не для историй? — отозвалась старушка. — Самые красивые вещи редко бывают просто красивыми.

Эмма посмотрела на две фигурки. Оловянный солдатик казался ей смешным и трогательным, а стеклянная собачка вызывала чувство, в котором переплелись нежность и давно знакомая боль. Она хотела взять обе, но тут же вспомнила о подарках, уже лежавших в сумке, и о собственном решении не покупать ничего лишнего.

— Наверное, я выберу одну, — сказала она с сожалением. — Две для моей маленькой ёлки — уже роскошь.

— Иногда одной недостаточно, — спокойно возразила Агата. — Бывают люди, которым нужно сразу две.

— Вы так говорите, словно это врачебное назначение.

— Если бы я была врачом, милая, я бы прописывала людям гораздо больше чая и гораздо меньше споров из-за пустяков. Но, к счастью для медицины, я продаю игрушки.

Старушка назвала цену, оказавшуюся заметно ниже той, которую Эмма ожидала услышать, и прежде, чем девушка успела возразить, достала две маленькие коробочки. Каждую она выстлала тонкой бумагой, уложила фигурку и перевязала крышку красной нитью, делая всё с

такой бережностью, будто собирала в дорогу не хрупкие украшения, а что-то гораздо более ценное.

— Вы уверены, что не ошиблись? — спросила Эмма, пересчитав сдачу. — За такие вещи обычно просят больше.

— Я хорошо помню собственные цены. В отличие от некоторых покупателей, которые приходят за одной звездой, а уносят половину магазина.

— Кажется, это намёк.

— Скорее наблюдение, подтверждённое многолетней практикой.

Эмма убрала коробочки в сумку так, чтобы их не придавила деревянная сова, и натянула варежки. У двери она задержалась, ещё раз окинув взглядом полки, мягкий свет лампы и маленький столик у окна. Ей не хотелось уходить сразу, хотя ничего больше здесь не требовалось. Агата стояла у прилавка, поправляя кружевную салфетку, и казалась удивительно естественной частью этого места, словно магазин вырос вокруг неё за долгие годы.

— Спасибо за чай, — сказала Эмма. — И за печенье. Я, пожалуй, всё-таки куплю себе ёлку. А то украшения есть, а вешать некуда.

— Это поправимо. Только не берите слишком большую: одна моя знакомая купила дерево выше потолка и потом две недели убеждала соседей, что оно само так выросло.

— Боюсь, мои соседи не поверят.

— Тогда выбирайте дерево поменьше.

Колокольчик снова звякнул, когда Эмма вышла на улицу. Морозный воздух сразу коснулся щёк, и она остановилась возле витрины, поправляя шарф. За стеклом Агата уже разговаривала с новым посетителем — мужчиной в сером пальто, который неловко держал шапку в руках. Эмма не стала разглядывать его и направилась к выходу из переулка, осторожно придерживая сумку с покупками.

По дороге она заглянула на небольшой ёлочный развал у площади, где продавец в меховой шапке уверял, что все деревья у него исключительно стройные, даже те, которые заметно клонились набок. Эмма выбрала невысокую ель, достаточно пушистую, чтобы выглядеть празднично, и достаточно компактную, чтобы не потребовать переселения мебели. Продавец обмотал ствол сеткой и, увидев её сомнение, предложил доставку. Узнав цену, Эмма решила, что в состоянии донести дерево самостоятельно; через десять минут, когда еловая верхушка зацепилась за дверцу трамвая, её уверенность несколько пошатнулась.

Домой она добралась уже в сумерках, с покрасневшими пальцами, расстёгнутым пальто и стойким ощущением, что половина пассажиров трамвая запомнила её навсегда. Ель заняла место у окна, где прежде стоял высокий торшер, а деревянная сова, предназначенная отцу, некоторое время строго наблюдала за приготовлениями с книжной полки. Эмма достала старую коробку с гирляндой, обнаружила, что лампочки работают через одну, и решила, что это придаёт освещению особую загадочность.

Когда очередь дошла до покупок из магазина Агаты, она развернула красные нитки с необычной осторожностью. Солдатик занял место на ветке чуть выше середины, откуда мог обозревать всю комнату с выражением человека, которому поручили ответственное дежурство. Стеклянную собачку Эмма повесила ниже, ближе к окну, чтобы свет уличного фонаря проходил сквозь её прозрачную спинку. Красная ленточка вспыхнула крошечной яркой точкой, и на мгновение Эмме почудилось, что игрушка вот-вот повернёт голову.

Она отступила на шаг, оценивая результат. Ёлка стояла немного криво, гирлянда мигала неравномерно, а на полу уже собралась приличная горсть иголок. И всё же квартира, ещё утром казавшаяся слишком тихой, теперь выглядела иначе. Эмма поставила чайник, собрала с ковра еловые веточки и отправила матери фотографию дерева, предусмотрительно обрезав край кадра, где виднелась неубранная стопка белья.

Ответ пришёл почти сразу: «*Красиво! А носки купила?*»

Эмма фыркнула, положила телефон экраном вниз и устроилась в кресле с чашкой горячего чая. За окном медленно кружился снег; на ёлке поблёскивал оловянный солдатик, а рядом, чуть покачиваясь от движения тёплого воздуха, висела стеклянная собачка с красной ленточкой. Вспомнив Кару, Эмма почувствовала привычный укол грусти, но на этот раз он не заставил её отвернуться от воспоминаний. Она даже тихонько рассмеялась, представив, как та непременно попыталась бы утащить с нижней ветки что-нибудь блестящее.

Чай постепенно остывал, за стеной кто-то передвигал стул, и обычная суббота подходила к концу. Эмма ещё не знала, что в ближайшие недели ей не раз придётся вспоминать странноватую хозяйку магазина и её слова о двух игрушках. Пока же она просто сидела возле наряженной ёлки, радуясь тому, что впервые за долгое время решилась принести в дом немного праздника.

Глава 3

В понедельник утром Эмма обнаружила, что её ёлка обладает характером куда более независимым, чем можно было предположить при покупке. За предыдущий день она заметно накренилась в сторону окна, словно собиралась рассмотреть, что происходит во дворе, а деревянная сова, которую Эмма с таким трудом пристроила на верхушку, теперь смотрела в потолок с выражением оскорблённого достоинства. Пришлось подложить под подставку сложенную рекламную листовку, дважды обойти дерево и, убедившись, что оно больше не угрожает обрушиться на торшер, признать временное перемирие.

Оловянный солдатик, устроившийся на средней ветке, перенёс происшествие невозмутимо; стеклянная собачка с красным бантом висела рядом, ловя в прозрачных боках первые серые отблески утра. Эмма на мгновение задержала на ней взгляд, поправила перекрутившуюся ленточку и потянулась за пальто. Ещё в субботу она собиралась написать родителям длинное письмо, приложить фотографии покупок и заняться отправкой подарков, но вместо этого весь воскресный вечер провела, разбирая коробки с украшениями и убеждая себя, что сортировка старых открыток тоже относится к праздничным приготовлениям.

В архиве её встретил запах бумаги, пыли и отопительных батарей, которые работали с таким усердием, будто пытались компенсировать холод за все предыдущие зимы. Начальник, мистер Краус Кратохвил, уже стоял возле стола с папкой под мышкой и тем выражением лица, которое обычно предшествовало словам «у меня к вам небольшая просьба». Эмма давно установила, что небольшие просьбы мистера Крауса измерялись исключительно его собственным временем, а не временем того, кому они предназначались.

— Нортон, вы закончили сверку карточек за прошлый квартал?

— Почти. Осталось несколько записей, в которых даты выглядят так, будто их заполняли во время землетрясения.

— Значит, не закончили, — подвёл итог начальник, не удостоив её наблюдение улыбкой. — И ещё: в пятницу к нам поступили материалы из районного фонда. Их нужно распределить по описям до конца недели.

Эмма посмотрела на папку, затем на тележку с коробками за его спиной и почувствовала, как праздничное настроение осторожно отступает в сторону, освобождая место трудовой дисциплине.

— А если я сумею закончить раньше, мне полагается медаль?

— Вам полагается обеденный перерыв, мисс Нортон. Как и всем остальным.

Произнеся это с видом человека, проявившего исключительную щедрость, мистер Краус удалился, а Эмма, проводив его взглядом, раскрыла первую папку. К полудню выяснилось, что в одном из фондов двадцать три документа ошибочно числились под одним номером, в другом не хватало листа, а третий содержал письмо, написанное таким витиеватым почерком, что она всерьёз заподозрила его автора в намерении скрыть государственную тайну даже от собственных потомков.

Около часа коллега, сидевшая за соседним столом, протянула ей мандарин.

— Ты выглядишь так, словно собираешься подать в суд на восемнадцатый век, — заметила Маркета, не отрываясь от монитора.

— Пока только на человека, который придумал писать цифру семь так, что она похожа на перевёрнутую двойку. Но если дело дойдёт до суда, я попрошу тебя выступить свидетелем.

— У меня сегодня стоматолог. На судебные процессы времени нет.

Мандарин оказался сладким, и это немного примирило Эмму с человечеством. Пока она очищала его от белых прожилок, Маркета спросила, удалось ли купить рождественские подарки, и Эмма с удовольствием рассказала о прогулке по улице Снежных фонарей, о неле-

пом Санте и о магазинчике, где продавались украшения, каких она прежде не встречала. Историю о двух игрушках она пересказала не целиком, оставив при себе разговор о Каре: не всякое воспоминание хотелось выносить под свет офисных ламп.

— А мне ещё нужна какая-нибудь мелочь для миссис Бенешовой, — добавила она, имея в виду сотрудницу, которая в прошлом месяце спасла её от целой горы неправильно оформленных ведомостей. — Не из вежливости, а потому что без неё я до сих пор сидела бы над этими ведомостями, и меня пришлось бы кормить через щель под дверью.

— Подари ей чай, — посоветовала Маркета. — Люди любят чай.

— Не все. Мой начальник, например, предпочитает кровь молодых архивистов.

— Тогда ему ничего не дари.

Совет показался разумным, но мысль о магазинчике Агаты уже успела поселиться у Эммы в голове. После работы ей всё равно нужно было зайти на почту за упаковочными конвертами; если немного изменить маршрут, можно было пройти по знакомому переулку, купить украшение для миссис Бенешовой и заодно ещё раз посмотреть на витрины, которые в субботу не удалось рассмотреть как следует.

К вечеру мороз окреп. По краям тротуаров лежали узкие полосы снега, перемешанного с песком, а под ногами прохожих похрустывала тонкая корочка льда. Эмма шла быстро, спрятав нос в шарф и крепко прижимая к боку сумку, в которой гремела коробочка с канцелярскими скрепками, по ошибке унесённая с работы. Обнаружив пропажу уже на остановке, она решила, что скрепки переживут одну ночь вне архива; в конце концов, у них тоже имелось право увидеть город.

На улице Снежных фонарей было оживлённее, чем в субботу утром. Витрины отражали друг друга в мокрой мостовой, возле кондитерской выстроилась очередь за тёплыми булочками, а из открытой двери небольшого магазина доносился спор двух покупателей о том, может ли деревянный олень считаться подходящим подарком человеку, который боится настоящих оленей. Эмма, услышав только конец разговора, с сожалением прошла мимо: ей очень хотелось узнать, чем всё закончилось.

Колокольчик над дверью Агаты прозвенел так приветливо, будто запомнил её с первого визита. Внутри пахло еловой хвоей, воском и чем-то сладким, напоминавшим тёплое печенье. За стеклом шкафчика мерцали крошечные фонарики, на высоком стеллаже теснились расписные шары, а возле кассы, где в субботу стояла корзина с оловянными солдатиками, теперь разместились миниатюрные сани с настоящими, как уверял ценник, подвижными полозьями.

— Снова вы, — обрадовалась Агата, выглянув из-за занавески, отделявшей подсобное помещение. На её тёмном платье поблёскивала знакомая брошь-снежинка, а в руках она держала коробку с красными лентами. — И даже без помпона, съехавшего на ухо. Какое заметное продвижение!

— Я решила сегодня произвести впечатление серьёзного покупателя, — призналась Эмма, снимая варежки. — Мне нужно украшение для коллеги. Она очень добрая, терпеливая и однажды сумела объяснить мне правила учёта документов так, что я не расплакалась.

— Редкий талант. Для таких людей у меня всегда находится что-нибудь особенное.

Агата поставила коробку на прилавок и предложила Эмме пройти к дальнему стеллажу, где висели маленькие фарфоровые колокольчики, птицы из цветного стекла и звёзды, покрытые тонким серебристым узором. Эмма выбрала голубую птицу с золотым клювом: та выглядела достаточно нарядно для праздника и достаточно невинно, чтобы не заставлять получательницу размышлять о скрытом смысле подарка.

— Прекрасный выбор, — одобрила Агата, однако заворачивать игрушку не спешила, потому что дверь снова открылась и на пороге появился пожилой мужчина в длинном тёмном пальто. Его седые волосы выбивались из-под фетровой шляпы, а в руках он держал бумажный

пакет, который, судя по торчащему из него багету, пережил долгую дорогу через несколько продуктовых лавок.

— Простите, я ненадолго, — произнёс он, неловко отступая в сторону, чтобы закрыть за собой дверь. — Мне сказали, здесь продают старинные украшения. Я ищу что-нибудь для внучки, только не слишком хрупкое. Она считает, что всё на ёлке обязано выдерживать нападение кота.

— Очень здравомыслящая девочка, — отозвалась Агата. — Хотя, боюсь, у котов на этот счёт собственные представления.

Эмма уступила мужчине место у прилавка и отошла к витрине. Она вовсе не собиралась подслушивать, однако магазин был небольшим, а посетитель разговаривал громко, словно привык общаться с людьми через шумный вокзальный зал. Он рассказал, что внучка недавно увлеклась поездами и транспортом, хотя сам он в детстве мечтал стать машинистом и до сих пор не понимал, как в семье могло возникнуть такое совпадение.

— Тогда, возможно, вам подойдёт вот это, — сказала Агата, открывая неглубокий ящик под прилавком.

На её ладони лежал жёлтый трамвайчик — совсем маленький, с тонкими чёрными колёсами, серебристыми поручнями и крошечными окошками, в которых, если присмотреться, угадывались даже сиденья. Он был сделан так тщательно, что Эмме захотелось поставить его на ладонь и проверить, не зазвенит ли где-нибудь невидимый звонок.

— Трамвай! — обрадовался мужчина. — Вот это удача. У нас в городе такие раньше ходили, знаете ли. Правда, у старых вагонов двери были другие…

Он осёкся и провёл большим пальцем по крыше игрушки, словно внезапно вспомнил что-то, о чём не собирался говорить. Агата не торопила его, только поправила край бархатной подкладки в коробочке.

— Мой приятель в детстве обожал трамваи, — произнёс наконец посетитель уже тише. — Мы с ним могли целыми днями спорить, какой маршрут лучше. Потом жизнь как-то разнесла нас по разным сторонам. Глупая история, в общем.

— Глупые истории иногда бывают очень долгими, — заметила Агата. — Особенно если никто не решается первым их закончить.

Мужчина коротко усмехнулся, вернул трамвайчик хозяйке и спросил цену. Пока Агата заворачивала покупку в тонкую бумагу, он ещё раз поглядел на игрушку, будто та напоминала ему не столько о внучке, сколько о чём-то далёком и упрямо не желавшем забываться.

— Не забудьте, что у трамваев есть одно замечательное свойство, — сказала Агата, протягивая свёрток. — Они всегда куда-нибудь возвращаются.

— Если не застрянут в снегу, — вмешалась Эмма, вспомнив своё недавнее путешествие с ёлкой в общественном транспорте.

— И если пассажиры не станут спорить с водителем, — подхватил мужчина. — Я однажды видел, как один мистер объяснял кондуктору, что трамвай должен повернуть на другую улицу, потому что ему так удобнее. Представляете? Будто это извозчик.

Он рассмеялся, поблагодарил Агату и вышел, осторожно придерживая пакет с багетом, который теперь, к явному неудовольствию хозяина, зацепился за дверную ручку. Эмма проводила его взглядом, а затем повернулась к прилавку, где её голубая птица уже ждала в небольшой коробочке.

— У вас покупатели уходят с такими лицами, словно пришли за игрушками, а нашли что-то ещё, — заметила она, доставая кошелёк.

— Иногда люди приходят именно за этим, хотя сами ещё не знают, — ответила Агата, ловко завязывая ленту. — А вы, дорогая, не забудьте подписать открытку вашей коллеге. Подарок без нескольких тёплых слов напоминает письмо, из которого вынули самое важное.

— Тогда придётся придумать что-нибудь получше, чем «спасибо за ведомости».

— Это уже неплохое начало. Особенно если ведомости были ужасные.

Они ещё немного поговорили о предрождественской суете, о непредсказуемом поведении домашних ёлок и о том, почему люди ежегодно обещают купить подарки заранее, но неизменно оказываются в магазинах в последний вечер. Когда Эмма вышла на улицу, в руках у неё была коробочка с птицей, в сумке — упаковочные конверты, приобретённые по дороге, а в голове — приятная лёгкость, с которой обычно возвращаются после разговора с человеком, умеющим слушать.

На остановке у площади собралось столько народа, что Эмма поначалу решила пройти пешком. Однако поднявшийся ветер быстро убедил её в необходимости пересмотреть свои взгляды на здоровый образ жизни. Подошедший трамвай оказался почти полным, но возле среднего окна оставалось свободное место, и Эмма, пробравшись между женщиной с огромным букетом и студентом, державшим под мышкой чертёжный тубус, с благодарностью опустилась на сиденье.

Трамвай медленно двинулся, раскачиваясь на поворотах. За стеклом проплывали освещённые фасады, вывески аптек, тесные витрины булочных и люди, которые, подняв воротники, спешили по своим делам. Эмма достала телефон, собираясь написать миссис Бенешовой короткое сообщение, но передумала: вручить подарок лично будет куда приятнее, особенно если добавить открытку, как советовала Агата.

На следующей остановке в вагон вошёл мужчина в тёмном пальто и фетровой шляпе. Эмма узнала его не сразу, потому что теперь он держал пакет с багетом под мышкой, а свободной рукой пытался найти в кармане деньга на билет. Лишь когда он поднял голову, она вспомнила жёлтый трамвайчик и едва не окликнула его — исключительно из желания сообщить, что игрушка действительно замечательная. Впрочем, вовремя сообразив, насколько странно это прозвучит, она промолчала.

Мужчина прошёл к дверям и остановился рядом с поручнем. Вагон был шумным: где-то позади плакал ребёнок, две женщины обсуждали стоимость рождественских венков, а над дверью хрипловатый голос объявлял остановки. Поэтому Эмма не сразу обратила внимание на другого пожилого пассажира, который сидел напротив и вдруг подался вперёд, пристально разглядывая вошедшего.

— Йозеф?.. — произнёс он неуверенно, будто проверял, не обмануло ли его зрение.

Мужчина в шляпе повернулся, и на его лице появилось то удивлённое, почти растерянное выражение, какое бывает у людей, внезапно услышавших давно забытый голос.

— Карел? Да быть не может… Карел Дворжак?

— А ты, выходит, всё ещё ездишь на трамваях, старый хитрец!

Оба заговорили одновременно. Сначала они пытались пожать друг другу руки, затем один шагнул навстречу, второй неловко прижал к боку пакет, и в результате они обнялись посреди вагона так крепко, что стоявший рядом студент вынужден был спасать свой чертёжный тубус от неминуемой гибели.

— Я думал, ты уехал насовсем! — воскликнул Йозеф, отступая на шаг и всё ещё придерживая приятеля за плечо.

— А я думал, ты на меня до сих пор сердишься.

— За что? За ту глупость? Господи, Карел, нам тогда сколько было — двадцать?

— Двадцать два, — поправил тот с достоинством. — И ты украл у меня билет на последний сеанс в кино.

— Я не украл, я перепутал!

— Ты так и говорил сорок лет назад.

Они снова рассмеялись, причём смех Карела оказался таким громким и заразительным, что женщина с букетом невольно улыбнулась, а ребёнок в глубине вагона, на мгновение забыв о собственных бедах, прислушался. Эмма наблюдала за ними с неожиданным волнением: ещё

четверть часа назад один из этих людей стоял в магазинчике Агаты, перебирал в руках жёлтый трамвай и говорил о друге, с которым давно потерял связь.

— Слушай, — сказал Йозеф, оглядев вагон, словно только сейчас вспомнил, где находится, — ты ведь не выйдешь на следующей? Нам надо поговорить. Я столько раз собирался тебе позвонить, а потом думал: зачем тревожить человека, если он сам не хочет…

— А я номер твой потерял. Потом нашёл старый адрес, да дом там уже снесли. Представляешь, два взрослых человека, а ведём себя как обиженные школьники.

— Это ты школьник, — возразил Йозеф. — Я уже дед.

— У меня тоже внучка. И знаешь, что я ей сейчас купил?

Он начал осторожно разворачивать бумагу, но Карел, заметив маленький жёлтый вагончик, вдруг присвистнул.

— Точно такой, как на нашем старом маршруте! Помнишь, мы спорили, кто первым сядет у окна?

— Ты всегда садился первым.

— Потому что ты вечно опаздывал.

— Ничего подобного! Я просто ждал тебя у другой двери.

Трамвай подъехал к остановке, и Эмма поняла, что ей пора выходить. Она поднялась, уступая дорогу пассажирам, но ещё успела увидеть, как двое стариков, устроившись рядом, склонились над игрушкой, точно над картой давно покинутого города. Их голоса смешивались со скрипом колёс и объявлением следующей остановки, а спор о том, кто из них чаще опаздывал, судя по всему, обещал затянуться надолго.

На улице ветер сразу забрался под воротник пальто. Эмма отступила от края тротуара, пропуская спешивших к дверям пассажиров, и только тогда заметила, что улыбается. Совпадение было удивительное, почти неправдоподобное: мужчина купил трамвайчик, вспомнил старого друга — и через несколько минут встретил его в настоящем трамвае. Впрочем, город был полон людей, а перед Рождеством, как любила говорить её мать, даже самые упрямые знакомые внезапно вспоминали друг о друге.

Она прошла несколько шагов, потом остановилась возле витрины закрытого книжного магазина и снова посмотрела вслед уходившему вагону. За запотевшим стеклом ещё можно было различить две седые головы, склонившиеся друг к другу. Эмма подумала, что непременно расскажет об этой встрече Агате: старушка, кажется, умела радоваться чужим историям не меньше, чем собственным игрушкам.

До дома оставалось идти около десяти минут. У подъезда кто-то оставил коробку с ненужными книгами, на лестнице пахло тушеной капустой, а из квартиры этажом выше доносилась музыка, которую соседка, миссис Ружичкова, наверняка уже собиралась объявить нарушением общественного порядка. Эмма поднялась к себе, сняла ботинки и первым делом проверила ёлку. Та стояла ровно, хотя и выглядела при этом несколько недовольной — если, конечно, хвойное дерево вообще способно выражать недовольство.

Поставив чайник, Эмма достала из сумки голубую птицу и открытку для миссис Бенешовой. На чистом картоне она сначала написала *«Спасибо за помощь»*, затем перечеркнула эти слова и задумалась. В памяти всплыл жёлтый трамвай, две протянутые друг к другу руки и смех, который на несколько мгновений заставил незнакомых пассажиров почувствовать себя участниками чужой радости. Наконец она вывела: *«Спасибо, что рядом с вами даже самые запутанные дела становятся немного проще»*.

Открытка получилась не слишком торжественной, зато честной. Эмма убрала её в коробочку, взяла чашку и подошла к ёлке, где стеклянная собачка с красной ленточкой тихо покачивалась рядом с оловянным солдатиком. Она не стала трогать игрушки, лишь поправила ветку, заслонявшую маленькое собачье ухо, и вернулась к столу.

За окном сыпал мелкий снег, а в соседней квартире наконец стихла музыка. Эмма вспомнила слова Агаты о трамваях, которые всегда куда-нибудь возвращаются, и усмехнулась собственной впечатлительности. Конечно, старушка не могла знать, что произойдёт в вагоне; просто удачно сказала, вот и всё. Но странным образом именно эти слова, а не шум колёс и не лица встретившихся друзей, продолжали звучать у неё в голове, пока она запечатывала подарок и проверяла, не забыла ли поставить подпись.

Глава 4

Во вторник Эмма проснулась от стука, который поначалу приняла за попытку кого-то весьма решительного разобрать её квартиру по кирпичику. Стук повторился, за ним послышался приглушённый женский голос, а затем кто-то с такой силой захлопнул дверь этажом ниже, что на подоконнике дрогнул забытый с вечера стакан. Эмма приподнялась на локте, прислушалась и безошибочно определила источник утренних волнений: миссис Ружичкова вновь приступила к наведению порядка в доме.

С этой соседкой Эмма познакомилась ещё весной, в день своего переезда, когда та появилась на лестнице прежде, чем грузчики успели занести второй чемодан. Миссис Ружичкова была невысокой, прямой, точно линейка, женщиной с аккуратно уложенными седыми волосами и привычкой смотреть на собеседника поверх очков, словно всякий человек заранее представлял собой административное нарушение. Она сообщила Эмме, что лестницу следует оставлять свободной, обувь перед дверью ставить не положено, а переезжать после шести вечера, хотя и не запрещено официально, совершенно неуважительно по отношению к жильцам. С тех пор соседка считала своим долгом следить за соблюдением всех трёх правил, а также нескольких десятков других, о существовании которых никто, кроме неё, не подозревал.

Выйдя в коридор, Эмма натянула халат и заглянула в глазок. На площадке стоял мистер с третьего этажа, виновато прижимая к груди пакет с мусором, а напротив него, уперев руки в бока, возвышалась миссис Ружичкова. Несмотря на разницу в росте, преимущество явно принадлежало ей.

— Я ведь не утверждаю, что вы сделали это нарочно, пан Свобода, — произнесла соседка таким тоном, который подразумевал как раз обратное. — Но если пакет оставляют возле двери на ночь, утром весь подъезд вынужден наслаждаться его содержимым.

— Там только бумага, — возразил мистер Свобода. — И пустая коробка от печенья.

— Значит, у нас теперь бумажный склад. Очень утешительно.

Эмма отошла от двери, прежде чем её присутствие могло быть обнаружено, и направилась на кухню. Ей было известно, что мистер Свобода иногда оставлял пакет на площадке, собираясь вынести его по дороге на работу, и что пакет этот действительно никому не мешал; столь же хорошо она знала, что спорить с миссис Ружичковой бесполезно. Впрочем, соседка хотя бы не делала различий между жильцами: однажды она отчитала даже почтальона за слишком громкое приветствие.

Пока нагревался чайник, Эмма проверила телефон. Мать прислала фотографию украшенной гостиной, отец — сообщение с вопросом, не хочет ли дочь на Рождество новый электрический чайник, а младшая двоюродная сестра — целых шесть ссылок на подарки, каждый из которых, по её уверениям, стоил «совсем недорого». Эмма ответила отцу, что чайник у неё уже есть и чувствует себя прекрасно, затем сфотографировала собственную ёлку, старательно выбрав ракурс, при котором подложенная под подставку рекламная листовка не попадала в кадр. Оловянный солдатик стоял среди хвои с видом человека, которому доверили охранять важный государственный объект, а стеклянная собачка с красной ленточкой казалась почти живой в свете гирлянды.

На работе её ждали привычные дела, но день неожиданно сложился удачно. Мистер Краус обнаружил, что часть описи, которую считал безнадёжно запутанной, Эмма уже привела в порядок, и выразил одобрение редчайшим для него способом: ничего не сказал, только кивнул и не принёс новых коробок. Миссис Бенешова, получив голубую птицу с открыткой, долго рассматривала подарок, а затем обняла Эмму так неожиданно, что та едва не выронила стопку папок.

— Ты ведь понимаешь, что это совершенно лишнее? — сказала миссис Бенешова, однако коробочку прижала к груди.

— Понимаю. Но если я стану дарить только необходимое, все мои знакомые будут получать на Рождество мыло и батарейки.

— Батарейки, между прочим, очень полезная вещь, — заметила Маркета, выглядывая из-за монитора. — Особенно когда дети подарили тебе музыкальную гирлянду, а выключить её невозможно.

Эмма рассмеялась, и даже миссис Бенешова, обычно державшаяся сдержанно, позволила себе улыбнуться. До конца рабочего дня подарок простоял у неё на столе, а вечером она пообещала повесить птицу на самое видное место. Возвращаясь домой, Эмма думала о том, что Агата оказалась права: несколько тёплых слов порой значат не меньше самой вещи. Правда, эту мысль она тут же попыталась отогнать, чтобы не начать рассуждать о каждом купленном украшении так, словно ей предстояло защищать диссертацию по рождественским обычаям.

В подъезде её ожидало новое столкновение с миссис Ружичковой. Соседка стояла возле доски объявлений, держа в одной руке связку ключей, а в другой — листок, на котором крупными буквами было написано: «ПРОСЬБА НЕ ХЛОПАТЬ ДВЕРЬЮ». Судя по тому, с каким усердием она приглаживала бумагу, просьба уже успела приобрести характер приказа.

— Добрый вечер, — приветливо сказала Эмма, переступая через мокрый след от чьих-то ботинок.

— Для кого как, — ответила миссис Ружичкова и окинула её взглядом. — Вы опять принесли снег на лестницу.

Эмма посмотрела на свои ботинки, затем на коврик у входа, где оставила большую часть уличной слякоти.

— Боюсь, он шёл за мной от самой остановки. Я пыталась его отговорить.

— Вам смешно, мисс Нортон, а пол потом кто-то должен мыть.

— Я вытру, если натоптала. У меня дома есть тряпка, которая давно мечтает о более интересной жизни.

Соседка, не удостоив эту попытку примирения ответом, поправила объявление. Эмма уже собиралась подняться к себе, когда заметила, что листок прикреплён всего одной кнопкой и нижний угол упорно заворачивается наружу.

— Подождите, я помогу, — предложила она, доставая из сумки канцелярскую скрепку, которая после вчерашней истории со случайно унесённой коробочкой каким-то образом снова оказалась у неё в кармане. — Если сделать здесь петельку, будет держаться.

— Мне не нужна помощь с бумажкой, — отрезала миссис Ружичкова, но не отступила, когда Эмма протянула руку.

Через минуту объявление висело ровно. Соседка внимательно его осмотрела, словно надеялась обнаружить недостаток, однако вынуждена была признать результат удовлетворительным.

— Надеюсь, теперь хотя бы кто-нибудь прочитает, — сказала она.

— Особенно если дверь не хлопнет прежде, чем человек успеет дочитать.

Миссис Ружичкова фыркнула. Эмма не поняла, было ли это возмущением или почти смехом, и решила не испытывать судьбу дальнейшими шутками.

Уже на своей площадке она услышала, как внизу щёлкнул замок соседской квартиры. Странным образом от этого звука ей стало немного не по себе. Эмма вдруг подумала, что за все месяцы жизни в доме ни разу не видела у миссис Ружичковой гостей; никто не поднимался к ней с букетом, никто не звал её по имени через лестничный пролёт, и даже на праздники возле её двери не появлялось ничего, кроме аккуратно вымытого коврика. Впрочем, чужая жизнь редко бывает такой простой, какой кажется снаружи, а делать выводы по коврику было бы не слишком разумно.

На следующий день мороз усилился, и к вечеру город приобрёл тот особенный вид, какой бывает у старых улиц перед снегопадом: камни потемнели, окна засветились раньше обычного, а прохожие, втянув головы в плечи, двигались быстрее, чем позволяла скользкая мостовая. Эмма задержалась в архиве, помогая Маркете разобраться с повреждёнными карточками, и вышла уже в сумерках. Дома её ждали неотправленные рождественские открытки и пакет с лентами, который она собиралась разобрать ещё в воскресенье; однако мысль о том, чтобы провести весь вечер за столом, показалась ей невыносимо скучной. К тому же после вчерашнего разговора с миссис Бенешовой она вспомнила, что обещала купить для матери маленькую стеклянную звезду, похожую на ту, что когда-то висела у них на семейной ёлке.

Так Эмма снова оказалась на улице Снежных фонарей. Возле пекарни пыхтел самовар, выставленный исключительно для красоты, потому что горячий шоколад разливали из вполне современной машины; в витрине соседней лавки деревянные ангелы висели вверх ногами, и продавец, стоя на стремянке, пытался вернуть им более благочестивое положение. С противоположной стороны улицы доносилась музыка, прерываемая скрипом дверей и негромкими разговорами, а снег, начавшийся всего несколько минут назад, ложился на тёмные шапки прохожих, не успевая растаять.

Магазин Агаты светился мягким янтарным светом. Эмма узнала высокую витрину с расписными шарами, серебристую вывеску и маленький колокольчик, который прозвенел над её головой, едва она открыла дверь. Внутри было тепло, и после уличного холода воздух показался особенно душистым. На прилавке стояла плетёная корзинка с лентами, а возле окна, где раньше висели крошечные сани, теперь устроилась целая компания стеклянных птиц.

— Вы снова ко мне, дорогая! — обрадовалась Агата, выглянув из-за высокого стеллажа. Серебристые волосы были собраны на затылке, а знакомая брошь-снежинка поблёскивала на воротнике тёмного платья. — Надеюсь, ёлка ещё не взяла верх в вашем споре?

— Пока мы соблюдаем перемирие. Но я подозреваю, что она только ждёт удобного момента, чтобы упасть на книжный шкаф.

— Ёлки вообще очень независимые создания. Особенно если хозяева пытаются повесить все украшения с одной стороны.

— Откуда вы знаете, что я… — начала Эмма и тут же рассмеялась. — Впрочем, это, наверное, обычная ошибка.

— Самая обычная. Люди всегда хотят, чтобы красота смотрела в комнату, а потом удивляются, почему дерево смотрит в пол.

Эмма рассказала о стеклянной звезде для матери, и Агата повела её к полке, где между хрустальными сосульками и расписными снежинками висели небольшие прозрачные украшения. Пока они выбирали подходящую звезду, дверь магазина открылась с таким решительным звоном, будто посетитель намеревался потребовать книгу жалоб ещё до того, как переступит порог.

— Здесь кто-нибудь есть? — раздался знакомый голос.

Эмма обернулась и едва не выронила звезду. На коврике, стряхивая снег с плеч тёмного пальто, стояла миссис Ружичкова. Под мышкой она держала аккуратно сложенную сумку, на голове у неё красовалась меховая шапка, а лицо выражало то же суровое недовольство, с каким она обычно осматривала лестничную площадку.

— Ну всё, сейчас начнётся, — пробормотала Эмма себе под нос и поспешно поставила звезду обратно на полку.

Агата, однако, встретила новую покупательницу так радушно, словно ждала её весь день.

— Добрый вечер! Проходите, пожалуйста. Вы, должно быть, совсем замёрзли.

— Замёрзла, разумеется. На улице декабрь, — ответила миссис Ружичкова, снимая перчатки. — Мне сказали, у вас можно найти приличные ёлочные украшения. Не те безвкусные пластмассовые штуки, которые сейчас продают повсюду.

— У нас есть и стекло, и дерево, и фарфор. Что именно вы ищете?

— Что-нибудь достойное. Чтобы не пришлось потом прятать за ветками.

Эмма с интересом наблюдала, как Агата, ничуть не смутившись подобной постановкой вопроса, подвела соседку к витрине с расписными шарами. Миссис Ружичкова осмотрела их так придирчиво, будто выбирала не игрушку, а жильца в квартиру по соседству, и отвергла первые три предложения: один шар оказался слишком ярким, другой — слишком маленьким, третий, по её мнению, был украшен «совершенно неуместными цветочками».

— Может быть, ангела? — предложила Агата, снимая с крючка фигурку в голубом платье.

— У него крылья разного размера.

— Так задумал мастер.

— Мастер мог бы задумать внимательнее.

Эмма отвернулась к полке, прикусив губу. Ей стало смешно не столько от слов соседки, сколько от невозмутимости Агаты, которая выслушивала замечания с таким вниманием, будто речь шла о действительно важных недостатках мироздания.

— А вот это, пожалуй, вам подойдёт, — сказала наконец хозяйка, открывая небольшой ящик под прилавком.

На её ладони лежал стеклянный чайник, изящный, пузатый, с тонким носиком и крышечкой, украшенной крошечной золотой точкой. Прозрачные стенки переливались мягким медовым цветом, а ручка была выполнена настолько тонко, что Эмма невольно подумала, как трудно, должно быть, держать такую игрушку, не опасаясь её разбить.

Миссис Ружичкова нахмурилась.

— Чайник?

— Чайник, — подтвердила Агата.

— Я просила ёлочное украшение.

— Это оно и есть. Посмотрите, какая у него аккуратная петелька.

— Я вижу петельку. Но зачем мне вешать на ёлку посуду? У меня посуды и без того достаточно.

— Тогда вы, несомненно, умеете ею пользоваться, — мягко заметила Агата.

Эмма закашлялась, скрывая смех. Соседка резко повернула голову, заметила её у полки и прищурилась.

— Мисс Нортон? Вы тоже здесь?

— Как видите. Я ищу звезду для мамы.

— Надеюсь, не из тех, что осыпаются блёстками. Потом их полгода находят в самых неподходящих местах.

— Обещаю провести испытания до вручения, — серьёзно ответила Эмма.

Миссис Ружичкова снова обратилась к хозяйке, очевидно решив, что спорить с молодой соседкой сейчас не время.

— У вас нет ничего более традиционного? Колокольчика, например. Или птицы. На худой конец — приличной свечки.

— Конечно, есть, — сказала Агата и показала на соседний стеллаж. — Но этот чайник я бы всё-таки посоветовала вам.

— Вы удивительно настойчивая женщина.

— Только когда уверена в выборе.

Покупательница поджала губы, взяла чайник двумя пальцами и поднесла к свету. В прозрачном стекле дрогнуло золотистое отражение лампы. Несколько секунд миссис Ружичкова рассматривала игрушку молча, а затем, словно рассердившись на собственную нерешительность, поставила её на прилавок.

— Заворачивайте. Но сразу предупреждаю: если он окажется неудачным украшением, я так и скажу.

— Буду признательна за ваше мнение, — заверила Агата, доставая бумагу.

— И пакет поплотнее. Я не намерена нести стекло по морозу в тонком клочке бумаги.

— Разумеется.

Пока хозяйка аккуратно упаковывала покупку, миссис Ружичкова ещё успела заметить, что в некоторых магазинах забывают о существовании сдачи, а в других продавцы слишком много улыбаются. Агата выслушала её с невозмутимой любезностью, пересчитала монеты и протянула небольшой пакет с крепкими ручками.

— Хорошего вам вечера. И приятного чаепития.

— Я покупала игрушку, — сухо напомнила соседка.

— Конечно, дорогая. Всего доброго.

Миссис Ружичкова направилась к выходу, но возле двери остановилась, заметив, что коврик сбился в складку. Не говоря ни слова, она расправила его носком ботинка, после чего вышла на улицу, сопровождаемая весёлым звоном колокольчика.

Несколько мгновений в магазине стояла тишина. Эмма посмотрела на дверь, затем на Агату и, не выдержав, рассмеялась.

— Простите. Я не должна, наверное, но вы не представляете, как она умеет разговаривать с людьми. У нас в доме её боится даже человек, который проверяет пожарную сигнализацию.

— О, думаю, он совершенно напрасно её боится, — отозвалась Агата, поправляя ленты на прилавке.

— Вы просто не слышали, как она отчитывает соседей за оставленные возле двери пакеты. Иногда мне кажется, что она могла бы командовать целым полком, не повышая голоса.

— Возможно, — согласилась старушка, однако в её глазах не было насмешки. — Только командовать полком куда проще, чем попросить кого-нибудь остаться на чашку чая.

Эмма удивлённо подняла голову.

— Вы думаете, она хочет приглашать гостей? Миссис Ружичкова? Та самая, которая однажды попросила меня не разговаривать по телефону на лестнице, потому что это мешает ей слушать тишину?

Агата улыбнулась, но на этот раз улыбка вышла немного печальной.

— Иногда человек так долго привыкает обходиться без чужого общества, что начинает сердиться даже на мысль о нём. А когда наконец появляется возможность поговорить, он уже не знает, с чего начать.

— Но ведь она сама всех отталкивает.

— Да, — спокойно ответила Агата. — И это, пожалуй, самая неприятная часть одиночества.

Эмма задумалась. Ей вспомнился пустой коридор у соседской двери, ровно лежащий коврик и ни разу не услышанный за стеной смех гостей. Она хотела возразить, что отсутствие посетителей ещё ничего не доказывает, однако почему-то промолчала. Агата тем временем вернулась к звёздам, словно разговор о миссис Ружичковой был исчерпан, и принялась выбирать для Эммы украшение, у которого лучи не были покрыты осыпающимися блёстками.

— Вот эта, по-моему, понравится вашей маме, — сказала она, протягивая небольшую стеклянную звезду с тонкой серебряной каймой. — Не слишком нарядная, зато при свете гирлянды будет замечательно сиять.

Эмма поднесла её к лампе. Звезда действительно была похожа на ту, что когда-то висела у родителей над старым деревянным комодом, и от этого сходства в груди разлилось приятное тепло.

— Беру. А вы всегда так точно угадываете, что людям нужно?

— Ах, если бы! — Агата рассмеялась и принялась искать подходящую коробочку. — Однажды я подарила человеку шерстяные носки, а он оказался владельцем целой фабрики носков. Очень неловко получилось.

— И что он сказал?

— Поблагодарил. Воспитанный был человек. А на следующий год прислал мне две дюжины пар, и пришлось устраивать целую лотерею среди знакомых.

Эмма представила себе старушку, торжественно разыгрывающую носки, и снова рассмеялась. Агата рассказала ещё о покупателе, который однажды перепутал коробки и принёс домой вместо ёлочной верхушки фарфоровую уточку, после чего в его семье возникла традиция ежегодно водружать на ёлку именно её. Истории звучали так непринуждённо, что Эмма не заметила, как провела в магазине почти полчаса.

Уже расплатившись, она вспомнила о миссис Ружичковой и невольно оглянулась на дверь.

— А всё-таки странно, что она купила чайник, — сказала Эмма. — Обычно, если ей что-то не нравится, она скорее уйдёт без покупки, чем уступит.

— Может быть, он ей понравился больше, чем она хотела показать.

— Может быть, — согласилась Эмма, хотя сама в это не слишком верила.

На улице снег заметно усилился. Эмма спрятала коробочку со звездой поглубже в сумку, подняла воротник пальто и направилась к остановке, стараясь не поскользнуться на мостовой. У входа в кондитерскую двое мальчишек спорили, кому достанется последняя булочка с маком, а пожилой продавец терпеливо объяснял им, что булочку можно разделить пополам, но достоинство при этом терять необязательно. Эмма задержалась на секунду, слушая их перепалку, и подумала, что у Агаты, пожалуй, найдётся подходящая игрушка и для этих двоих.

Дома она первым делом поставила мокрые ботинки сушиться, затем достала купленную звезду и устроила её рядом с подарками для родных. На ёлке мерцали огоньки, в чайнике тихо закипала вода, а из-за стены доносился приглушённый звук телевизора. Эмма достала телефон, чтобы ответить матери, но вместо этого неожиданно открыла список контактов и пролистала его до имени соседки, которого там, разумеется, не было. Всякий раз, когда они встречались, разговор заканчивался замечанием о чистоте лестницы или шуме, и до сих пор Эмме не приходило в голову, что за этими замечаниями может скрываться что-то ещё.

Она положила телефон на стол, немного постояла, прислушиваясь к тишине в квартире, а затем вернулась к ёлке. Стеклянная собачка с красным бантом висела рядом с солдатиком; от лёгкого движения ветки на стене дрогнуло прозрачное отражение. Эмма поправила украшение, достала открытку для матери и принялась писать, стараясь подобрать слова, которые нельзя было бы заменить дежурным поздравлением.

О миссис Ружичковой она больше не думала до самого сна. Лишь уже выключив свет, вспомнила, как соседка осторожно держала стеклянный чайник у лампы и как долго не решалась поставить его обратно. В этой маленькой нерешительности было что-то непривычное, совсем не похожее на женщину, которая обычно знала правильный ответ на любой вопрос, особенно если вопрос касался чужого поведения. Эмма перевернулась на другой бок и решила, что завтра при встрече попробует поздороваться первой, даже если в ответ снова услышит замечание о мокрых следах на лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.